Bulletin Nr. 185 - 186
September-Dezember 2020

Бюллетень № 185 - 186
Сентябрь-Декабрь 2020

(B–ulletin)
Бюллетень

TOLSTOI.de
Bibliothek
Bildung
Beratung

Das Bulletin wird seit 1975 herausgegeben.
Es erscheint vierteljährlich.
Der Herausgeber ist:

Бюллетень выходит с 1975 г.
Его издает четыре раза в год:

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de

Redaktion und Verantwortung für den Inhalt: Tatjana Erschow

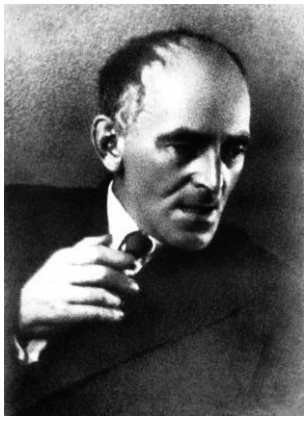
Главный редактор:
Татьяна Ершова

ISSN 2197-6333

На обложке:
Лев Бруни. Портрет Осипа Мандельштама, 1915 – 1916 гг.

Umschlagseite:
Osip Mandelstam, Portrait von Lev Brunin, 1915 - 1916

Пространством и временем полный



Мы знаем истоки Пушкина и Блока,
но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая
божественная гармония, которую называют
стихами Осипа Мандельштама

Анна Ахматова

Есть что-то непостижимое, словно, это чьё-то провидение: в такой короткий временной интервал - с 1889 по 1892 годы - в России родились четыре великих поэта. Анна Ахматова появилась на свет 23 июня 1889 г. и, прожив 76 лет, ушла из жизни 5 марта 1966 г.; немногим более полугода после неё 10 февраля 1890 г. родился Борис Пастернак, покинувший этот мир 30 мая 1960 г. после 70 лет жизни. 15 января 1891 г. родился Осип Мандельштам, и он, не дожив двух лет с несколькими днями до своего 50-летия, умер 27 декабря 1938 г. Марина Цветаева, явившаяся в этот мир 8 октября 1892 г., и прожив в нём полные 48 лет, свела счёты с жизнью. Может быть, правильнее сказать, что жизнь свела с ней счёты 31 августа 1941 г. К этой плеяде я причислю ещё и Александра Блока, родившегося 28 ноября 1880 г.- всего на восемь с половиной лет раньше Ахматовой. Он прожил меньше их всех - сорок лет, и умер 7 августа 1921 г.

Их жизни, и не только поэтические, подобны глубоким морям, вобравшим в себя энергию рек, протекающих на территории России, и впадающих в эти моря.

Они - поэты, но говоря не только о них, но и о многих других, невольно в голову приходит мысль, что слово «поэт» рифмуется со словом «пистолет». Но пистолет – это не только огнестрельное оружие. Стихотворцы, которых я перечислил, были убиты другим оружием, ибо «пистолет» в широком смысле слова может принимать разные формы, которыми владеет государство. Это может быть травля и запрет на публикацию стихов, это может быть убийство любимого человека, это может быть тюремный арест или ссылка в отдалённые края, это может быть заключение в психиатрическую лечебницу, это может быть создание несопоставимых с жизнью условий существования, это может быть… В их «руках» любой пистолет никогда не дрогнет – ведь он не чувствует чужую боль.

Этот очерк входит в серию моих очерков о созданных при жизни живописных портретах Михаила Лермонтова, Марины Цветаевой и Анны Ахматовой, опубликованных в Германии в Бюллетенях Библиотеки имени Л.Н.Толстого в Мюнхене.

Бесчисленное множество книг, исследований, воспоминаний, и других материалов написаны о жизни и творчестве Мандельштама, не говоря уже о многостраничной и выстраданной летописи - «Второй книги»[1] - его жены. Невзирая на это, я решил написать очерк-эссе о небольшой иконографии поэта, связанной с некоторыми этапами его жизни. Его изображения не одинаковы, как и неодинаковы времена, в которых он жил, и когда они сделаны – это с одной стороны. С другой – портреты, даже выполненные в близкие друг к другу даты, – различны, так как каждый художник видел, ощущал поэта по-своему.

Этот очерк-эссе о том, что волновало Мандельштама в те временные отрезки, когда создавались его образы; чему радовался, от чего страдал, какие стихи или прозу он писал.

Осип Мандельштам родился 3 (15) января 1891 г. в Варшаве. На следующий год семья переселилась в Павловск, а в 1897 году переехала в Санкт-Петербург, где через два года он поступил в 1-й класс общеобразовательной школы кн. В.Н.Тенишева, которая в 1900 году была преобразована в Тенишевское коммерческое училище.

Михаил Ардов вспоминает, что в одном из разговоров с Анной Ахматовой она сказала: *«Я чувствую Петербург, Пастернак – Москву, а Осипу* (Мандельштаму – В.Л.) *дано и то, и другое…»*. И вместе с тем в1930 г. после поездок по Кавказу - в Тифлис, в Ереван, в Сухум он едет в Ленинград. Вот начало одного из стихотворений, посвящённого городу:

Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

Ты вернулся сюда, - так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,…

В тоненькой книжке «Страницы прозы» [2], в очерке «Из воспоминаний о Мандельштаме *(Листки из дневника)»* Ахматова отмечает:

«В то время, как (в 1933 г.) Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде как великого поэта, persona grata и т.п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошёл весь тогдашний литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский), и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет, в Москве его никто не хотел знать, и кроме двух-трёх молодых и неизвестных учёных-естественников Осип ни с кем не дружил… Пастернак как-то мялся, уклонялся…»

---

[1] Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания. – М.: «Издательство «Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2001. – 512 с.

[2] Ахматова А.А. Страницы прозы. М.: Издательство «ПРАВДА», 1989. – 48 с. (Библиотека «Огонёк» № 49).

В начале 1907 г. в училищном журнале «Пробуждённая мысль» появились стихи Осипа Мандельштама. После окончания в мае этого же года училища, в октябре он уезжает в Париж, где знакомится с Николаем Гумилёвым. Вскоре эта встреча переросла в дружбу. Ахматова вспоминает, что в 1928 году получила от него письмо, где он пишет: *«…Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервётся ...».*

Первая публикация стихов появилась в 1910 г. в «Аполлоне» - русском иллюстрированном журнале по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы, который издавался в Санкт-Петербурге в 1909 – 1917 гг.

С Ахматовой поэт познакомился в1911 г. Как вспоминает сама поэтесса: *«Я познакомилась с О. Мандельштамом на «Башне» Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с ресницами в полщеки».*

На чём основана продолжающаяся многие годы дружба двух больших поэтов? Что их сближало? Свои воспоминания о нём Ахматова скромно назвала «Листки из дневника». Она описывает все, что происходило в стране, и в них самих за годы их дружбы на протяжении двадцати семи лет с 1911 по 1938 г.г. И, если бы не было других биографических материалов, то составить представление о его жизни в это время можно было бы по этим «Листкам». У них было одно звучание внутреннего камертона, они одинаково чувствовали поэтическое слово, оба, как говорила Ахматова, *«бредили Дантом».* Она восхищалась его стихами, он – лиричностью её поэзии.

После публикации в «Аполлоне» Мандельштам часто выступал с чтением своих стихов в арткафе «Бродячая собака», на заседаниях ОРХС (Общества Ревнителей Художественного Слова), на вечерах в Университете, в Тенишевском училище, и во многих других местах. Вместе с ним читали свои произведения В.Маяковский, И.Северянин, Г.Иванов, Н.Гумилёв, С.Городецкий, М. Зенкевич и др.

Итальянская улица, где в подвале дома № 4 располагалось арткафе, находится недалеко от Малой и Большой Конюшенных улиц. Они появились в С.-Петербурге одновременно в 1730 г. Большая - соединяет Невский проспект с Конюшенной площадью, где в церкви бывшего Конюшенного ведомства, освещенной во имя Спаса Нерукотворного Образа, 1 февраля 1837 г. состоялось отпевание А.С.Пушкина. Как замечает Ахматова: *«К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение – в нём мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия».*

В 1913 г. на страницах журнала «Аполлон» произошло провозглашение Акмеизма. В марте вышел первый сборник Мандельштама «КАМЕНЬ». В следующем году поэт продолжает активно участвовать в литературной и художественной жизни С.-Петербурга, читая стихи в разных местах, посещая по четвергам собрания художников в квартире Льва Бруни. *«Десятые годы – пишет Ахматова - время очень важное в творческом пути Мандельштама… Революцию Мандельштам встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом».*

Будучи молодым человеком двадцати трёх лет, Мандельштам участвует не только в литературных вечерах и на встречах художников, но и не чуждается светских гостиных, одной из которых был литературно-художественный салон молодой художницы Анны Зельмановой-Чудовской.

Живописец, график Анна Зельманова родилась в Москве в 1891 г. в семье М.Г. Зельманова – чиновника особых поручений в департаменте железнодорожных дел Министерства финансов. Кроме того, под псевдонимом М. Южный он занимался литературной критикой.

В 1909 – 1910 годы Анна посещала Париж, после чего жила в С.-Петербурге, и, будучи членом объединения «Союз молодёжи», представляла свои работы в 1910 – 1912 годах на выставках этого общества в столице, в Москве и в Риге. В 1912 г. она вышла замуж за художественного критика, сотрудника журнала «Аполлон» В.Чудовского, с которым в 1913 г. они организовали литературно-художественный салон в своем петербургском доме на Алексеевской улице (ныне улица Писарева), в доме № 5. Гостиную посещали Анна Ахматова, Давид Бурлюк, Николай Гумилев, Бенедикт Лифшиц, Владимир Маяковский и многие другие, в том числе и Осип Мандельштам.

Живопись художницы экспонировались на выставке картин в пользу Лазарета деятелей искусства, которая проходила в Петрограде в 1914 г. На ней были представлены портреты Ахматовой, и акварельный - Мандельштама.

Через два года на совместном показе «Мира искусства» и Выставки современной русской живописи в Художественном бюро Н.Е.Добычиной, тоже в Петрограде, были представлены её этюды, эскизы, рисунки. Как пейзажист Зельманова-Чудовская создала ландшафты России, Бретани, Швейцарии.

В 1917 г. она вторично вышла замуж, и на следующий год уехала во Францию. Позднее жила в США. Умерла Анна Зельманова-Чудовская в 1952 году в Париже, и похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Мандельштам не мог остаться равнодушным к красоте двадцатидвухлетней хозяйки салона и… влюбился в свою ровесницу. Она была первым сильным любовным увлечением Мандельштама, в ту пору уже известного поэта. Однако стихов, посвящённых художнице, у него нет. Одно стихотворение, о котором пишут, что оно связано с ней, можно рассматривать только как предположение, ибо он сам говорил, что в то время ещё не умел писать стихи *«женщине и о женщинах».*

Анна Зельманова-Чудовская. Портрет Осипа Мандельштама, 1913/1914 г

Этот утраченный (осталась только фотокопия) акварельный портрет датируется 1913 г. (в некоторых источниках - 1914-м). Поэт сидит, но не с закинутой головой, как пишет Ахматова, но, я бы сказал, с приподнятой. Опущенные руки, закрытые глаза, здесь он очень похож на пианиста - лицо и вся фигура несколько напряжены. Он прикоснулся к клавиатуре, и вот-вот начнёт играть.

Портрет понравился поэту и был ему дорог, но не только потому, что его написала женщина, в которую он влюбился, а скорее потому, что он «узнал» себя в этом изображении и, может быть, увидел себя её глазами.

«Ответом» на это полотно стало восьмистишие **«Автопортрет»,** созданное в 1914 г.:

В подняты головы крылатый
Намёк – но мешковат сюртук;
В закрыты глаз, в покое рук -
Тайник движенья непочатый.

Так вот кому летать и петь
И слова пламенная ковкость, -
Чтоб прирождённую неловкость
Врожденным ритмом одолеть.

В этой «поэтической живописи» Мандельштам как бы раскрывает содержание своего образа, разъясняет то, что зритель может и не увидеть.

Но интересна не только эта «перекличка» живописи и поэзии, но и другие стихи этого периода. И одно из первых, сочиненных в 1913 г., - **«Петербургские строки»** с посвящением: *«Н. Гумилёву».* Напомню, они познакомились в Париже в 1908 г., и эти **«Строки»** можно считать написанными к пятилетию - первой знаменательной дате их дружбы, которая окончилась в связи с расстрелом Гумилёва в 1921г. Оно вошло в первое издание книги «Камень». С первых двух строф виден зимний Петербург:

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припёке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, - как броненосец в доке,-
Россия отдыхает тяжело. ...

В **«Строках»** вспоминается и Петербург пушкинский, где ***«Онегина старинная тоска;… / Чудак Евгений – бедности стыдится…».***

В 1913 г. написано стихотворение, также связанное с городом - «Адмиралтейство». Поэт восхищён морской стихией, и флотом России, основанным Петром I: ***«И в тёмной зелени фрегат или акрополь / Сияет издали, воде и небу брат. / Ладья воздушная и мачта-недотрога, / Служа линейкою преемникам Петра…».***

Стихотворение **«Кинематограф»** посвящено открытию изобретения братьями Люмьер в 1885 г., когда впервые были продемонстрированы, так называемые, «движущиеся картинки», и появлению этих «картинок» в России. В Петербурге аттракцион «Синематограф братьев Люмьер» был показан 4 мая 1896 г. Первый полнометражный фильм в России "Оборона Севастополя" – вышел в 1911 г. Шесть строф «Тенниса» – дань распространению в 1870-е годы в России этой игры. Благодаря стараниям великого князя С.А.Романова в Петербурге появились первые теннисные клубы, и игра быстро стала популярной.

Стихотворение **«Отравлен хлеб, и воздух выпит»** заканчивается утверждением, верой, что, несмотря на то, что всё проходит, вселенная и её певцы – поэты остаются:

И, если подлинно поётся
И полной грудью, наконец,
Всё исчезает – остаётся
Пространство, звёздый и певец!

Одни из первых, созданных в 1914 г., посвящённых строф – это «Ахматова». Сама поэтесса рассказала об их рождении: *«…Что же касается стихотворения* **«Вполоборота, о печаль…»…** *мы (человек 20-30) пошли в «Собаку» на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошёл Осип: „Как вы стояли, как вы читали“ и ещё что-то про шаль»:*

Вполоборота, о печаль
На равнодушных поглядела
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.

Зловещий голос - горький хмель -
Души расковывает недра:
Так — негодующая Федра –
Стояла некогда Рашель.

В том же году были написаны и двенадцать строк **«Есть ценностей незыблемая ска́ла…»,** связанные с именем жившего в последней трети XVIII и в начале XIX в.в. поэта и драматурга Владислава Александровича Озерова. Оно интересно как память большого русского поэта XX века о своём малоизвестном коллеге из прошлого.

Есть небольшие по размеру произведения, в которых авторы говорят о главном в этом мире. К таким, по-моему, нужно отнести две строфы:

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной.
Не город Рим живёт среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.

В разные периоды своего творчества Мандельштам писал о своём увлечении прошедшими эпохами, и, несмотря на интерес к жизни «среди веков» в древних городах, главным на Земле остаётся Его Величество - Человек. И возможно, поэтому одному из великих посвящена **«Ода Бетховену».** Гёте заметил: *«… ему* (Бетховену – В.Л.) *светит его гений и часто шлёт ему подобное вспышке молнии просветление, где мы сидим в темноте и едва лишь догадываемся, с какой стороны наступает день…».*

Бывает сердце так сурово,
Что и любя его не тронь!
И в тёмной комнате глухого
Бетховена горит огонь.

Это начало **«Оды…».** Художник живёт уединённо в своём мире. И чем больше ему хочется обнаружить свои подлинные чувства, тем больше он боится быть непонятым. Данное произведение, вошедшее в первый выпуск издаваемых в Петрограде в 1915 г. Альманахов стихов,– поэтический портрет замкнутого мира великого композитора:

С кем можно глубже и полнее
Всю чашу нежности испить?
Кто может, ярче пламенея,
Усилье воли освятить?

Огонь пылает в человеке,

Его унять никто не мог.
Тебя назвать не смели греки,
Но чтили, неизвестный бог!

Тогда же Елизавета Сергеевна Кругликова создала силуэтный портрет Мандельштама. Художница родилась в Санкт-Петербурге в последний день 1865 г. Её дед Николай Кругликов был известным рисовальщиком, силуэтистом-любителем. Брат Николай - инженер путей сообщения, был одним из основателей в 1909 г. «Художественного общества Интимного театра».

Будучи вольнослушателем в 1890 – 1895 годы, Елизавета училась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. С 1895 по 1914 годы жила в Париже, посещала студию А. Витти и Академию Коларосси, и позднее преподавала курс «Офорт» в академии «La Pallette».

Вернувшись в Россию, начиная с 1922 г., она семь лет вела курс графики в Академии художеств в Петрограде, а после ликвидации полиграфического факультета, много сделала для сохранения и возрождения традиций графического искусства.

Михаил Нестеров в 1938 г. и 1939 г. написал два портрета Е. Кругликовой; первый из них был приобретен Третьяковской галереей, второй - Русским музеем.

Художница умерла в Ленинграде 21 июля 1941 г. в возрасте 76 лет и похоронена на Литераторских мостках петербургского Волковоского кладбища.

Елизавета Кругликова. Силуэтный портрет Осипа Мандельштама. 1915 г.

Е. Кругликова сделала силуэтные портреты многих известных литераторов - А. Ахматовой, Н. Гумилёва, М.Кузмина, В.Маяковского, А.Белого, А.Блока, М.Волошина, М. Цветаевой, М. Горького.

Искусство силуэта – правомерная область живописи. Создавая двумя цветами – чёрным и белым - облик портретируемого человека, художник пытается раскрыть характер модели. Известно, что белый цвет можно разложить на радужные цвета: от красного до фиолетового. Так что, фантазируя, в белом цвете портрета можно многое «увидеть». Такие изображения поражают своей органичностью. В силуэте Мандельштама художница передала его экспрессию, напряжение, и, может быть, то, что его волновало в это время. А волновало его многое.

В этот же и в последующие годы Мандельштам продолжает участвовать в поэтических вечерах, посещать собрания художников, в том числе и мастерскую Льва Бруни. Там, в Петербурге в доме № 17 по Университетской набережной в здании Академии Художеств регулярно проводились вечера литературно-художественного кружка "Квартира No.5" (далее – «Квартира» - В.Л.). Постоянными его гостями были художники Н.Альтман, П.Митурич, Н.Тырса, поэты О. Мандельштам, Н.Клюев, К.Бальмонт, композитор и музыкальный писатель А.Лурье, критик Н. Пунин. Появлялись в «Квартире» В. Маяковский, М.Шагал, В.Хлебников, О.Розанова, В. атлин, В. Ходасевич и другие.

Художник Лев Бруни родился в 1894 г. в знаменитой семье архитекторов и живописцев. Представители этой фамилии были признаны в Северной Италии и Швейцарии ещё в XVI веке. Известным художником был прадед Льва по отцовской линии - Федор. Русский Музей в С.-Петербурге гордится его картиной "Медный змий". По материнской - у Льва также были мастера живописи. Одному из них - прадеду Петру Соколову, позировало семейство Николая I. Супругой прадеда была сестра Карла Брюллова - Юлия. В непосредственном семейном окружении художником был дед, а отец - архитектором.

Живописью Лев увлекся в юности. В 1910-1911 годы он был вольнослушателем в мастерских Я.Ф. Ционглинского и Ф.А.Рубо в Академии художеств. В следующие два года учился в Академии Жюлиана в Париже, и посещал ателье Жана-Поля Лорана. Вернувшись на родину, занимался в батальном классе Н.С. Самокиша.

Летом 1913 г. в Коктебеле познакомился с художниками круга Макса Волошина. В 1914 г. Лев Бруни иллюстрировал журналы «Голос жизни», «Вершины».

В возрасте 20 лет он выставлялся вместе с мастерами объединения "Мир искусства", участвовал в выставках сообществ «Маковец», «Четыре искусства». Две акварели из иллюстраций к поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на выставке «Мира искусства» в 1915 г. в Петрограде принесли художнику первую известность. Лето того же года провёл в горах Хевсуретии, где написал серию рисунков «Воспоминания о Хевсуретии».

Под влиянием Татлина Лев Бруни начал создавать конструктивистские "контррельефы" - абстрактные подборы из разных материалов. Вместе с Татлиным и Родченко в поисках "живого" искусства, делавшей жизнь более насыщенной в бесконечности форм, принял участие в футуристической выставке "Магазин".

Летом 1917 г. он перебрался на Урал, в г. Миасс, где жила семья поэта К. Бальмонта. С его дочерью – Ниной у Льва сложились романтические отношения, и в 1919 г. молодые люди обвенчались.

В начале 1920-х годов по приглашению Фаворского Лев переехал с семьёй в Москву, и в течение пятнадцати лет проводил много времени в Оптиной пустыни, где создал натурные зарисовки, которые были законченными произведениями.

Начав как живописец, Бруни впоследствии перешел, в основном, к рисунку и акварели, некоторые из них хранятся в Третьяковской галерее.

Занимался он и монументальной живописью, возглавляя в 1935-1948 годы соответствующую студию при Академии архитектуры и монументальную мастерскую во ВХУТЕМАСе (Высших художественно-технических мастерских) - ВХУТЕИНе.

Помимо этого художник иллюстрировал книги многих авторов. Умер Лев Бруни в Москве 26 февраля 1948 г.

Картина живописца «Портрет жены» помещена в миниатюрном издании «500 шедевров русского искусства» (Москва, 2005 г.).

Графический портрет Мандельштама Лев Бруни сделал в 1916 г. В этом, так называемом, «голубом портрете», художник передал *«в подняти головы крылатый»* (Мандельштам «**Автопортрет**» - В.Л.) характерный облик поэта, который отмечали многие современники. Кстати, он виден и в портрете Зельмановой-Чудовской. Вначале кажется, что взгляд Мандельштама спокойный, и, что его ничего не волнует, однако, при пристальном рассмотрении лица видно, что он смотрит вдаль, на чём-то сосредоточив внимание.

Лев Бруни. Портрет Осипа Мандельштама, 1915 – 1916 гг.

В 1915 г. Мандельштам пишет стихотворение **«И поныне на Афоне»**. Не вдаваясь в богословскую суть спора, поэт говорит, что:

Всенародно, громогласно
Чернецы осуждены;
Но от ереси прекрасной
Мы спасаться не должны.

Каждый раз, когда мы любим,
Мы в неё впадаем вновь.
Безымянную мы губим
Вместе с именем любовь.

В приведённых двух строфах утверждается божественный дар Любви – благо, не поддающееся разумному восприятию. Ради неё можно впасть в ересь, отрешиться от всего земного, чтобы почувствовать радость, блаженство, счастье, в чём поэт сам неоднократно убеждался.

Ещё одно стихотворение этого периода **«О свободе небывалой»** - о подчинении поэта только одному закону – Свободе.

О свободе небывалой
Сладко думать у свечи.
Ты побудь со мной сначала,
Верность плакала в ночи,

Только я мою корону
Возлагаю на тебя,
Чтоб свободе, как закону
Подчинился ты, любя...

Эта верность для поэта равноценна утверждению А.Пушкина, написавшего в поэме «Езерский»*: «…ветру и орлу / И сердцу девы нет закона. / Гордись: таков и ты, поэт, / И для тебя условий нет».* Собственно, закон есть, - это свобода мыслить и излагать свои мысли, делиться ими, защищать их.

Наверное, не совсем права Ахматова, сказав, что Мандельштам одинаково был предан Москве и Петербургу. В том же 1915 г. он написал стихотворение **«Императорский виссон»**, где представляя Дворцовую площадь, благоговейно «закутал» её в дорогую, тончайшую, достойную фараонов, римских императоров древнюю ткань виссон.

Любовь к Античности – к Древней Греции, к Древнему Риму «преследует» поэта в разные времена. Название вышедшей в 1922-ом году книги **"Tristia"** навеяно «Скорбными элегиями» (собрание писем в пяти книгах) Овидия.

Это, скорее всего, любовь и всё, что связано с этим чувством. В разные периоды его творчества она была для него источником вдохновения.

Вот несколько строф из двух стихотворений, названия которых совпадают с первыми строчками:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

И

С весёлым ржанием пасутся табуны,
И римской ржавчиной окрасилась долина;
Сухое золото классической весны
Уносит времени прозрачная стремнина.

В последней строфе поэт говорит о своей не проходящей любви к вечному городу:

Да будет в старости печаль моя светла:
Я в Риме родился, и он ко мне вернулся;
Мне осень добрая волчицею была
И – месяц Цезаря – мне август улыбнулся.

В июне 1915 г. Мандельштам поехал в Крым в Коктебель, устроился в пансионе матери М. Волошина.

Дом художника, поэта, художественного и литературного критика Максимилиана Волошина находился на юго-восточном холмистом побережье полуострова, у подножья горы Карадаг («Черная гора» в переводе с языка крымских татар).

Дом-музей Максимилиана Волошина в Коктебеле

Его строительство началось в 1903 г. по проекту хозяина, а закончилось через десять лет. Дом имеет сложную конфигурацию - жилые помещения, террасы, лоджии, балконы расположены на разных уровнях.

Как Пушкин в поэме «Полтава» назвал ближайших сподвижников Петра I: *«Сии птенцы гнезда Петрова…»*, то этому дому подходило тогда название «Гнездо Волошина». В нём гостили начинающие и уже известные художники, поэты, писатели, журналисты. Они активно проводили время, устраивая прогулки в горы, импровизированные концерты, отмечали различные праздники, читали стихи и прозу; и вместе с тем, каждый занимался своим делом; кто-то уходил в горы или на

море, кто-то уединялся для работы в одном из помещений дома. Обстановка способствовала самовыражению и ощущению, что ты в этой жизни что-то значишь, и можешь сделать что-нибудь полезное, поэтому многие в «Гнезде» осознавали себя приобщёнными к творчеству. Как позднее в «Истории одного посвящения» Цветаева заметила: *«Коктебель для всех, кто в нём жил, - вторая родина, для многих – месторождение духа»*, и говорила, что Максу Волошину она обязана первым самосознанием себя как поэта: *«Когда женщина оказывалась поэтом, или, что вернее, поэт – женщиной, его дружбе, бережности, терпению, вниманию, поклонению и сотворчеству не было конца».* Здесь она познакомилась со своим будущим мужем Сергеем Эфроном, и здесь же летом 1915 г. она впервые встретила Осипа Мандельштама, приезжавшего сюда в 1915–1917 годы. Коктебель для него был одним из немногих мест, где он ощущал умиротворение. М.Цветаева вспоминала: *«Мандельштам в Коктебеле был общим баловнем, может быть, единственный, может быть, раз в жизни, когда поэту повезло, ибо он был окружен ушами — на стихи и сердцами — на слабости».*

В первой строфе стихотворения **«Золотисого меда струя из бутылки текла»**, написанного в 1917-ом, он говорит, что все в «гнезде Волошина» чувствовали себя превосходно:

Золотистого мёда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Ахматова пишет, что Мандельштам *«влюблялся, что происходило довольно часто…».*
И второй его влюблённостью была Марина Цветаева, к ней обращены крымские и московские стихи.

Следующая после Коктебеля их встреча произошла на Рождество в конце 1915 г. в Петрограде на вечере у поэта Леонида Каннегисера. Мандельштам подарил ей вышедшее в декабре второе издание книги «Камень». Не только подарил, но и надписал: *«Марине Цветаевой – камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург, 10 января 1916 г.».*

Период их увлечения друг другом был коротким - с конца 1915 г. по июнь 1916-го. У них не было обмена письмами, как принято у большинства влюблённых, но они обменивались стихами, в которых образы, ассоциации были понятны им обоим. Первое стихотворение, обращённое к Мандельштаму **«Никто ничего не отнял»,** Марина написала в феврале 1916 г. Во второй и третьей строфах она представила себя и напутствовала его, предупреждая о своём «тяжёлом взгляде»:

Я знаю наш дар - неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь,
Юный ли взгляд мой тяжел?

Стихотворение **«Откуда такая нежность»,** которое с полным правом можно отнести к любовной лирике, написано буквально вслед за первым. Оно начинается и заканчивается воспоминанием, сравнением, и её отношением к Мандельштаму:

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавале темней твоих.
.....
Лукавый певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

Конечно, Мандельштам не остался в долгу, и в том же месяце пишет стихотворение **«В разноголосице девического хора».** Оно – либо посвящение ей, либо ответ на её строфы к нему. Он восхищается её красотой, сравнивает эту красоту с величием архитектуры Успенского собора в Кремле, построенного по проекту итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти, восторгается русской душой женщины с прекрасным именем Марина:

И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.
.....
.....
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.
.....
.....
И пятиглавые московские соборы
С их итальяскою и русской душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

Стихотворение **«Не веря воскресенья чуду»,** написанное после его отъезда из Александрова (он же - Александровская Слобода Владимирской губернии), где тогда жила Цветаева – это грустное прощание. Уезжать ему ***«…от владимирских просторов / Так не хотелося на юг…»***. Но пришлось. Видимо, от того, что суждено, никуда не денешься.

Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остаётся только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

Пересыпаемый песок - метафора, память о проведённых вместе днях, ночах, месяцах, хотя встречались они не часто: ***«Не три свечи горели, а три встречи - / Одну из них сам Бог благословил…»*** говорит он в стихотворении **«На розвальнях, уложенных соломой».**

В очерке «История одного посвящения» написанного в 1931 году (опубликовано впервые в 1964 году за рубежом), Цветаева, вспоминает, что Мандельштам приехал к ней в г. Александров в июне 1916 г. Наблюдая за ним, она написала его портрет: *«У Мандельштама глаза всегда опущены: робость? величие? тяжесть век? веков? Глаза опущены, а голова отброшена. Учитывая длину шеи, головная посадка верблюда… Распахнутые глаза у Мандельштама – звёзды, с завитками ресниц, доходящих до бровей… Мандельштаму, без стихов, на свете не сиделось, не ходилось – не жилось…».*

Его чувства к ней не угасли, и он думал о продолжении отношений, начатых в Коктебеле, где зарождалась его любовь. Но в Александрове всё пришло к завершению. О разговоре при проводах Мандельштама на вокзале Цветаева вспоминает:

- Марина Ивановна! Я, может быть, глупость делаю, что уезжаю?

- Конечно (спохватившись)… конечно – нет! Подумайте: Макс, Карадаг, Пра… И вы всегда же можете вернуться…

- Марина Ивановна! (паровоз уже трогается) Я, наверное, глупость делаю! Мне здесь (иду вдоль движущихся колёс), мне у вас было так, так… (вагон прибавляет ходу, прибавляю и я) – мне никогда ни с…

Так закончились отношения двух великих Поэтов. Они бесспорно равновеликие, но не равнозначные, ибо последнее, на мой взгляд, говорит о восприятии их творчества, а оно – не одинаково.

У Цветаевой было много кратковременных любовных увлечений. И любовь к Мандельштаму – одно из них. Если первое стихотворение в их «переписке» было написано 12 февраля 1916 г., а последнее – в июне того же года, то за этот короткий промежуток у Мандельштама это увлечение было страстью, принёсшей ему кроме восторга, преклонения, не только физическую, но и душевную боль. Ведь обнажённый нерв всегда это ощущает, а нервы у поэта были обнажены. Именно в это время – 1915 - 1916 г.г., когда он испытывал радость и головокружение от любви к М.Цветаевой, Лев Бруни работал над портретом Мандельштама, который продолжал посещать "вечера" литературно-художественного кружка "Квартира».

Близким другом хозяина «Квартиры» был художник Петр Митурич. Они подружились в 1915 г., и Лев Бруни привел его к себе домой. Спустя некоторое время он стал вторым человеком в этом кружке.

Родился Пётр Митурич в С.-Петербурге 14 октября 1887 г. в семье потомственного военного, к тому же ещё и литератора. С 1900 по 1905 годы он учился в Псковском кадетском корпусе, после чего постигал основы живописи в Киевском художественном училище у преподававшего там И.Селезнёва, соученика и друга М.Врубеля. С 1909 по 1915 годы он продолжил учёбу в родном городе – в Императорской Академии художеств у Н. Самокиша.

В десятые годы XX века, сблизившись с участниками кружка Бруни, создал несколько портретов поэтов О. Мандельштама и Вяч. Иванова, музыканта А. Лурье, посмертный портрет М. Врубеля и других лиц из своего окружения.

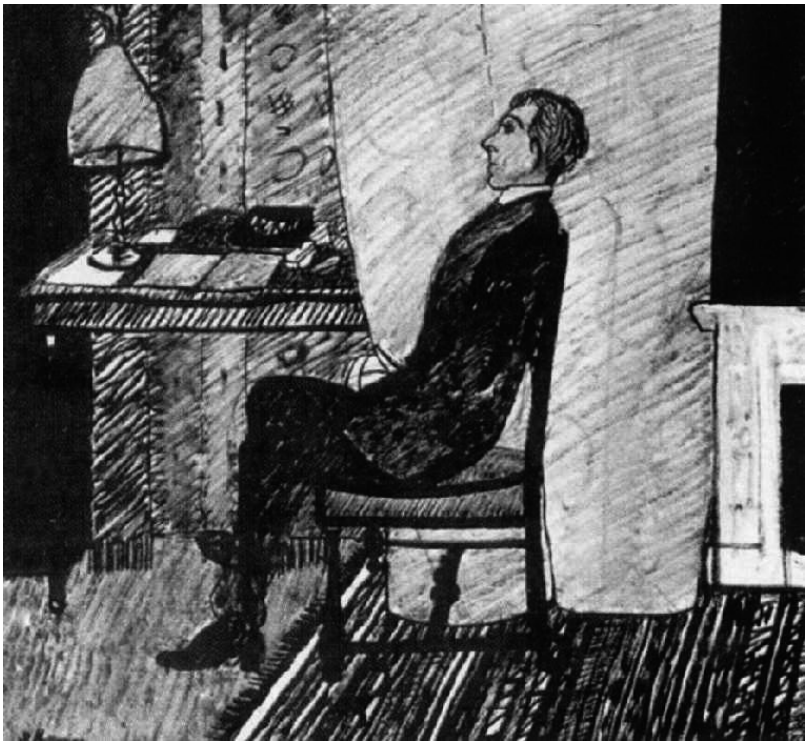
Лев Бруни и Пётр Митурич работали вместе, иллюстрируя журналы «Вершины», «Новый журнал для всех», «Голос жизни». Как считал Митурич, он *«приблизительно с 1915 года стал давать зрелые в художественном отношении вещи»*. Такая самооценка стала возможной благодаря творческой обстановке, царившей в большой комнате с окном на угол Четвёртой линии Васильевского острова и набережной Невы.

Когда начались 1920-е годы, художник подружился с поэтом Велимиром Хлебниковым, который ушёл из жизни у него в семье в деревне Санталово Новгородской губерни, где Митурич тогда же создал ряд произведений: портреты поэта, пейзажи, графические образы, навеянные поэзией Хлебникова. И именно благодаря «Квартире», Митурич познакомился со своей будущей женой, сестрой Хлебникова - Верой.

С 1923 по 1930 годы он преподавал во ВХУТЕМАСе, где образовался круг его учеников-единомышленников. Помимо художественного наследия, он оставил большое количество теоретических работ и дневниковых записей.

После закрытия ВХУТЕМАСа мастер оказался вне официальной художественной жизни страны, и вёл замкнутый образ жизни, однако, продолжал заниматься графикой, писать пейзажи, работать над портретами.

Умер Пётр Митурич в Москве 27 октября 1956 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.



Пётр Митурич. Портрет Осипа Мандельштама, 1915 г.

Портрет поэта художник создал в 1915 г. По времени он очень близок к изображению, выполненного Л. Бруни. И это понятно, ибо все трое – участники вечеров «Квартиры», и можно подумать, что эти живописные образы должны быть в чём-то похожими друг на друга. Ан, нет, не должны! Ибо у каждого мастера своё видение, как и каждый читающий текст чувствует прочитанное тоже по-своему. Поэтому сравнение может быть только внешнее: немного запрокинутая голова, чуть-чуть вздёрнутый нос – вот, собственно, и всё. В портрете у Бруни выписано лицо, дан облик, у Митурича, портрет, как таковой, отсутствует. Скорее, это картина с изображением сидящего поэта. Показана некоторая надменность во взгляде, в положении головы – во всей позе. Но в том и в другом случае представлен образ стихотворца.

После окончательного разрыва с Цветаевой его сердце и душа стали учащённо биться при встречах с Саломеей Андрониковой, появившейся в С.-Петербурге.

Грузинская княжна Саломея Николаевна Андроникова родилась в октябре 1888 г. в Тифлисе, в то время - городе Российской империи. В 1906 г. вышла замуж за П.С.Андреева и переехала в С.-Петербург, чтобы стать «звездой», очаровательной посетительницей салонов, где собирались представители интеллектуальной элиты города. В 1912-1915 годы она ходила в литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака».

Приехала она в Петербург не только для того, чтобы стать тем, кем она стала, но и чтобы ближе познакомиться со столицей империи, её бытом и культурой. Она покинула Грузию, где жили в XVIII – XIX веках прекрасные поэты-романтики Александр Чавчавадзе и Николоз Бараташвили – современники Александра Пушкина, воспевшего Петербург и «холмы Грузии». В поездке по Кавказу во время похода 1829-го года он написал проникновенное стихотворение к Наталье Гончаровой, которой сделал предложение: ***«На холмах Грузии лежит ночная мгла; / Шумит Арагва предо мною. / Мне грустно и легко; печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою, / Тобой, одной тобой…»***

В 1915—1917 годы Саломея Николаевна снимала квартиру на 5-ой линии Васильевского острова, в доме 62, где она устроила литературный салон, собиравший поэтов, композиторов, музыкантов. Интересуясь современной литературой, сама не сочиняла ни стихов, ни прозы; интересуясь театром, сама ни играла, ни пела; интересуясь живописью, сама не рисовала. Но она обладала талантом общения, поэтому неудивительно, что круг очарованных ею друзей, поклонников был большим. В него входили и художники, написавшие её портреты: К. Петров-Водкин, В. Шухаев, Б.Григорьев, А. Яковлев, З. Серебрякова и др.

Первый же из поэтов, однажды увидевший её в 1906 г., и восхищённый её образом, был А. Блок. Об этом незабываемом впечатлении он написал в апреле того же года в стихотворении «Незнакомка»: *„И каждый вечер, в час назначенный / (Иль это только снится мне?), / Девичий стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне“.* Не остались равнодушными и поэты, посвятившие ей стихи - Г. Иванов, И. Зданевич, О. Мандельштам, А. Ахматова.

Вполне вероятно, что Мандельштам познакомился с Саломеей в кабаре «Бродячая собака» на одном из поэтических вечеров, которые она посещала. В декабре 1916 г. он написал и посвятил ей стихотворение «Соломинка». Оно вошло в книгу «**Tristia**»:

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждёшь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью, - что может быть печальней, -
На веки чуткие спустился потолок,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей.
.....
.....

Декабрь торжественный струит своё дыханье,
Как будто в комнате тяжёлая Нева.
Нет, не соломинка, Лигейя, умиранье –
Я научился вам, блаженные слова.

2

Я научился вам, блаженные слова:
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита
В огромной комнате тяжёлая Нева,
И голубая кровь струится из гранита.

Декабрь торжетсвенный сияет над Невой.
Двеннадцать месяцев поют о смертном часе.
Нет, не соломинка в торжественном атласе
Вкушает медленный томительный покой.

В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь.
А та, соломинка – быть может, Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь!

В этом, довольно сложном для восприятия из-за множества ассоциаций, стихотворении Мандельштам обращается к красавице Саломее. Он вспоминает ***Линор*** - недосягаемую возлюбленную, молодую красивую женщину, героиню стихотворения Эдгара По «Линор», которая заболевает и умирает; ***Лигейю*** - героиню одноименного рассказа того же писателя, описывающего её красоту и великолепие, которая тоже умирает после тяжёлой болезни, но воскресает в сознании героя и возвращается в другом образе; ***Серафиту*** – сострадательную душу,

отличающуюся жертвенной добротой и милосердием. Поэт связывает эти три имени с именем Саломеи, которая жалуется на смертельную бессонницу. ***«Соломка звонкая, соломинка сухая, / Всю смерть ты выпила…»***. Соломинка, но не Саломея, действительно умирает, а Саломея остается жить в душе поэта, жить воспоминанием, любовью.

Об этом стихотворении Ахматова вспоминает в своём - в «Тени», написанном в 1940 г.:

Как спорили тогда – ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь чёрные ресницы
Дарьялских глаз струился нежный свет.

Будучи, по мнению Надежды Мандельштам, человеком *«предельной эмоциональности»,* к тому же с поэтической душой и поэтическим восприятием мира, Мандельштам мгновенно влюблялся, и эту влюблённость, тяжесть этого чувства ему нужно было выразить в стихах, направленных конкретному адресату, и часто женщине, но писал-то он их для себя.

«В очень ранней молодости он ещё не вполне сознавал свои вкусы (сомнительное утверждение – ВЛ) *и поддался культу «красавиц», который отчаянно поддерживала Ахматова».*

Как сказала М. Цветаева, правда, по отношению к себе, он *«влюблялся в любовь».* Разные взаимоотношения были у Мандельштама с женщинами, которыми он увлекался. Может быть, это объясняет многие его влюблённости, не доходящие до постельной близости. Я думаю, что между стихами, обращёнными (односторонняя беседа, не требующая ответа) и стихами, посвящёнными - разница существенная.

В 1917 г. произошли две революции, в результате Октябрьской - не только сменилась власть, но и изменились миропорядок и устройство жизни в России, коснувшиеся всех без исключения. Как было в это время в Петербурге, вспоминает Ахматова: *«Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917 – 1918 годы, когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская, 9)… Мандельштам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию художеств, где происходили вечера в пользу раненных и где мы оба несколько раз выступали… К этому времени относятся все, обращённые ко мне стихи».*

В 1918 г. Мандельштам служит в Петрограде в Наркомпросе, сотрудничает с газетами «Вечерняя звезда», «Страна», в конце октября встречается с А. Блоком. В следующем - переезжает в Харьков, и работает во Всеукраинском литературном Комитете при Наркомпросе, выступает с чтением стихов. После чего судьба забрасывает его в Киев, где он познакомился с будущей женой - Надеждой Яковлевной Хазиной, автором «Второй книги» - летописи их трудной жизни, где она заметила, что *«любить эту жизнь да ещё в наше столетие – слишком трудно»*. Ещё эта книга рассказывает об эпохе, о героях и антигероях, встречавшихся на их жизненном пути.

Совершенно справедливо стоят рядом два этих имени. Если бы Н. Мандельштам не проделала ту титаническую, опасную, часто с риском получить тюремный срок, работу, мир бы не знал великого поэта. Для этого подвига (нет другого слова!) она не жалела себя.

Мандельштам был уже сложившийся и в определённых кругах известным автором. Об этом говорят афиши Вечеров Поэзии 1920 г., где его имя стоит вместе с именами Гумилёва и Блока, который принял его стихи.

На одном из таких вечеров он встречает Ольгу Арбенину. В отличие от Саломеи Андрониковой со многими «НЕ» Арбенина обладала некоторыми существенными «ДА», будучи актрисой Александринского театра, художницей и просто красивой женщиной, чем привлекала внимание многих своих современников.

Родилась Ольга в артистической семье. Её родители: Николай Арбенин (настоящая фамилия — Гильдебрандт) и Глафира Панова играли в Малом театре в Москве, а затем в столичном - Александринском. Возможно, поэтому она тоже решила быть актрисой и, закончив в 1919 г. курсы при Александринском театре, была зачислена в его труппу. Но проработала она там не долго - в 1923 г. ушла из театра и играла в других театральных коллективах.

В Петрограде она сблизилась и подружилась с некоторыми поэтами – своими современниками: с Л. Каннегисером, с Н. Гумилёвым и его второй женой А. Энгельгардт, с М. Кузминым и Ю. Юркуном (по происхождению литовец - Иосиф Юркунас, русский писатель, художник-график, близкий друг Кузмина), за которого вышла замуж. Как вспоминает в своей биографически-мемуарной книге «На берегах Невы» Ирина Одоевцева: *«Прежде Олечка находилась в орбите Гумилева и часто сопровождала его, пока под новый 21-й год не познакомилась с Юрочкой Юркуном и не стала неотъемлемой частью окружения Кузмина. С тех пор они всюду и везде появлялись втроем».*

Актрисе, живописцу - Ольге Арбениной посвящали стихи многие поэты, в числе которых оказался и О. Мандельштам. В конце 1920 г. создал цикл стихотворений, полных увлечённости, нежности, восторга. Вот строфы из **«Возьми на радость»:**

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда,
Как нам велели пчёлы Персефоны.
.....

Возьми ж на радость дикий мёд в подарок –
Невзрачное сухое ожерелье
Из мёртвых пчёл, мёд превративших в солнце.

И первая строфа их **«Я наравне с другими»:**

Я наравне с другими
Хочу тебе служить.
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,

И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

Этот очерк-эссе – не биография поэта в принятом понимании этого термина. Другое дело, что, так или иначе, от использования биографических ситуаций и обстоятельств уйти невозможно, да и не нужно. Вполне может случиться, что кто-то из читающих может упрекнуть меня, почему я не написал об этом, или о том, или… Чтобы этого не случилось, я скажу, что во-первых, не задавался такой целью, а во-вторых – вкратце в тексте перечисляю то, чем занимался Мандельштам, чем и кем был увлечён, какие его книги или очерки, или статьи были опубликованы за данный период.

В 1922-ом году произошло много значительных событий в жизни поэта. Во-первых, они с Надеждой Хазиной зарегистрировали брак, поселились в Москве, где познакомились с Борисом Пастернаком, впоследствии сыгравшим большую роль в судьбе Мандельштама. Во-вторых, в августе в издательстве «Петрополис», с пометкой «Петербург – Берлин», вышла из печати вторая книга стихов **«Tristia».** В-третьих, в октябре опубликовано стихотворение **«Век»**, где говорится о большой случившейся трагедии – разорвалась связь времен, связь между веком девятнадцатым и двадцатым. Старый привычный мир разрушен в октябре 1917-го, а каким будет новый – никто не знал.

В 1923 году выходит поэтический сборник «Вторая книга», который, как и «Tristia», посвящён жене. Ахматова вспоминает: *«Летом 1924 года Осип Эмильевич привёл ко мне* (Фонтанка, 2 – в Петербурге – В.Л.) *свою молодую жену… Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно… Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил её советов о каждом слове в стихах. Вообще, я ничего подобного в своей жизни не видела»*. В этом же 1924 г. он пишет: ***«Нет, никогда, ничей я не был современник, / Мне не с руки почет такой». («Нет, никогда…»*** - первая строчка стихотворения, она же - название). Это утверждение сообразуется с его поэтическим миром, о котором сказала Ахматова: *«…кто укажет, откуда донеслась до нас…» откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама».*

Поэт всегда прислушивался ко времени, и записал его шум, отразившейся в его первой книге прозы **«Шум времени»**, которая вышла в 1925 г. В главе, посвящённой актрисе театра Вере Комиссаржевской, поэт пишет: *«Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени. Память моя враждебна всему личному».* Но, по-моему, здесь он лукавит, ибо в этом мемуарном очерке Мандельштам пишет о временном пространстве, пропуская его через себя, через своё субъективное восприятие, и даёт ему свою оценку.

В 1925 г. Надежда и Осип поселяются в Детском Селе под Петербургом. *«В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе* (старое название Детского Села, ныне г. Пушкин – ВЛ.)…- пишет Ахматова. - *Там он мне прочёл по секрету стихи к О. Ваксель, которые я запомнила и также по секрету записала („Хочешь, валенки сниму“)»*.

С Ольгой Ваксель Мандельштам познакомился в Коктебеле в «Гнезде» Волошина. Она приезжала туда в 1916 - 1917 годы вместе с матерью, которая была знакома и дружила с

жившими там литераторами, художниками, музыкантами. Всё это подействовало на романтическую душу, и стало первопричиной её духовного взросления. Стихи девочка начала сочинять в десятилетнем возрасте. Позднее она искала применения своим способностям, в том числе и в студии «ФЭКС» - «Фабрика эксцентрического актёра».

С супругами Мандельштам Ольга встретилась в 1924 г. Об этом она вспоминает в своих записках: *«Около этого времени (осень 1924 г.) я встретилась с одним поэтом и переводчиком, жившим в доме Макса Волошина в те два лета, когда я там была. Он повёл меня к своей жене (*они жили в Петербурге на Большой Морской улице, д. 49 – ВЛ.), *она мне понравилась, и с ними я проводила свои досуги. Она была умна, мы с ней настолько подружились, я — доверчиво и откровенно, она — как старшая, покровительственно и нежно. Всё было бы очень мило, если бы между супругами не появилось тени. Он, ещё больше, чем она, начал увлекаться мною…».*

Мандельштам, увидев Ольгу после долгого перерыва, был ошеломлён происшедшими в ней изменениями – девочка, которой было не то тринадцать, не то четырнадцать лет, выросла и стала красивой женщиной с каким-то возвышенным, но одновременно простым благородством в облике и в общении.

Появление Ольги Ваксель в доме Мандельштамов – это драматическая страница в жизни поэта - он страстно ею увлёкся. Как замечает его жена: *«В очень ранней молодости он ещё не вполне сознавал свои вкусы и поддался культу «красавиц».* Это, по-моему, не совсем верно. Культу «красавиц» поэты поддаются всю жизнь, потому что они – поэты, и он здесь – не исключение. Но, как пишет сама Ольга, она не приняла ухаживания: *«Я, конечно, была всецело на её* (Н. Мандельштам – ВЛ.) *стороне, муж её мне не был нужен ни в какой степени. Я очень уважала его как поэта… Вернее, он был поэтом и в жизни… он снова начал писать стихи, тайно, потому что они были посвящены мне. Для того, чтобы говорить мне о своей любви, вернее, о любви ко мне для себя… в сотый раз уверял, что он не может без меня жить и т.д.».* Она вспоминает, что влюблённый придумывал разные способы, чтобы видеться с ней, и чтобы эти свидания были тайными. В книге Н. Мандельштам пишет: *«История с Ольгой одарила меня новым знанием: страшной и слепой власти над человеком любви, потому что с Ольгой было нечто большее, чем страсть…».*

И полные страсти, обожания, любви стихи были написаны. Вот первые три строфы стихотворения **«Я буду метаться по табору улицы тёмной»:**

Я буду метаться по табору улицы тёмной
За веткой черёмухи в чёрной рессорной карете,
За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...

Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью, нет – с муравьиной кислинкой,
От них на гумах остаётся янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим,

Осип Мандельштам

И кольца зрачком одеваются выпушкой светлой,
И то, что я знаю о яблочной, розовой коже...

Оно написано весной 1925 г. почти сразу же после восстановления знакомства. А ниже - о несбывшихся надеждах ***«Я скажу тебе с последней…»***, сочинённого уже в 1931 г. перед отъездом Ольги с мужем в Норвегию:

Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну, а мне – соленой пеной
По губам.

В 1932 г. она вторично вышла замуж и уехала в Осло вместе со своим мужем, норвежским дипломатом - вице-консулом норвежского консульства в Ленинграде Христианом Иргенс-Вистендалем, спасаясь от не прекращавшихся преследований первого мужа – А. Ф. Смольевского (Ольга ушла от него, не дождавшись даже рождения сына. Развелись они через год, и еще год прошел, пока отец, у которого жил ребенок, не отдал его матери). После появления на свет сына она тяжело заболела. Последствия болезни были серьёзные – депрессия, подавленное настроение. Под диктовку жены Христиан записал многие страницы её воспоминаний. Записки, рисунки, письма, фотографии и последние её стихи сохранила сестра Христиана - Агата Стрэм. В доме Вистендалей Ольга прожила всего три недели до рокового выстрела из пистолета Христиана. Это случилось 26 октября 1932 года при очередном остром нервном приступе. Ей было 29 лет.

Многие, знавшие её, говорили, что на ней лежала печать чего-то трагического. Уход Ольги из жизни был задуман, вероятно, давно, так как она сама выбрала крематорий в Осло.
Накануне своего трагического решения она написала стихотворение ***«Я расплатилась…»:***

Теперь вы выпьете всю горечь слёз моих,
В ночах бессонных медленно пролитых,
Вы прочитаете мои длинный-длинный свиток,
Вы передумаете каждый, каждый стих.

Но слишком тесен рай, в котором я живу,
Но слишком сладок яд, которым я питаюсь.
Так с каждым днем себя перерастаю.
Я вижу чудеса во сне и наяву,

Но недоступно то, что я люблю, сейчас
И лишь одно соблазн: уснуть и не проснуться,
Всё ясно и легко – сужу, не горячась,
Всё ясно и легко: уйти, чтоб не вернуться.

Кроме сочинения стихов Ольга Вакслер занималась живописью, и в глубине души была очень музыкальна. Её «внутреннюю» музыку «слышали» многие из её окружения. Чувствовал её и Мандельштам, посвятив ей пять стихотворений, три из которых написаны при её жизни, а два – после самоубийства.

О взаимоотношениях Осипа и Ольги Надежда написала: *«Через много лет он мне сказал, что в жизни он только дважды знал настоящую любовь-страсть – со мной и с Ольгой».*

Хоть и по разным причинам, но жизни двух поэтов – одного – великого, другой – уже сложившейся поэтессой, - окончились печально.

С мая 1925 г. наступает длительная пауза в поэтическом творчестве Мандельштама, в это время он занимается прозой. В 1927 г. пишет «Египетскую марку», вышедшую из печати в следующем году. Тогда же были опубликованы последний прижизненный сборник «Стихотворения», «О поэзии», «Тиль Уленшпигель» (обработка, редактирование и сведение в единый текст двух переводов романа Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле», принадлежавших один - Аркадию Горнфельду, другой - Василию Карякину). В 1929 г. - начал работу над «Четвёртой прозой» и закончил её в 1930-ом; в конце года возвратился к стихам. Итогом его поездок на Кавказ в том же году, стал цикл стихотворений об Армении. Её судьба произвела на него сильное впечатление:

Орущих камней государство –
Армения, Армения!
Хриплые горы к оружью зовущая –
Армения, Армения!
К трубам серебряным Азии вечно летящая –
Армения, Армения!
Солнца персидские деньги щедро раздаривающая –
Армения, Армения

Среди многих стихов, написанных в 1931 г., трудно что-либо выделить, а что-то оставить без внимания. Но одно - общественно значимое **«За гремучую доблесть грядущих веков»** - следует отнести к гражданской поэзии, где гражданином выступает не только поэт, но любой свободомыслящий человек, которому трудно вынести произвол государственной власти, когда ***«…на плечи кидается век-волкодав…»,*** стремящейся заглушить всякое проявление независимости, расправиться с инакомыслием. Поэт переживает атмосферу страшного времени

«века-волкодава», но исправить такое положение не в силах. Единственное спасение – уехать, очутиться где-то далеко: ***«Уведи меня в ночь, где течёт Енисей / И сосна до звезды достаёт,…»***

Прижизненных художественных изображений Мандельштама немного, тем ценен каждый запечатлённый его образ. В 1932 г. художник Милашевский сделал два графических портрета поэта.

Владимир Алексеевич Милашевский родился в Саратове в 1893 г., где прошли его детство и юность, и где в 1906—1907 годы он занимался в Боголюбовском рисовальном училище. Тогда в Саратове был лучший в России провинциальный художественный музей. Позднее семья переехала в Харьков, в котором Владимир учился в частной студии А.И.Грота и Э. Штейнберга.

В дальнейшем его судьба была связана с Петербургом, в частности, с Высшим художественным училищем при Академии Художеств, куда он поступил в 1913 г., и которое через два года оставил, несмотря на то, что там преподавали прекрасные педагоги: Н. Бруни, Г. Залеман и А. Маковский. Для дальнейшего постижения изобразительного искусства он перешёл в «Новую художественную мастерскую», и трудился там в 1915 – 1916 годы под руководством М.В. Добужинского, Е.Лансере и А.Е.Яковлева.

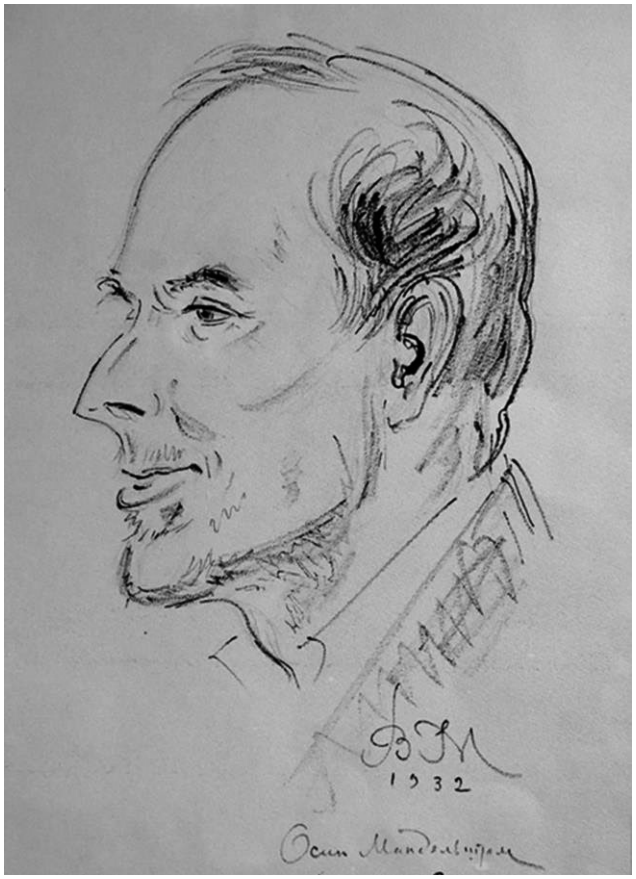
На молодых художников существенно повлияли работы живописцев из объединения «Мир искусства». В книге **«Вчера, позавчера… Воспоминания художника»** Милашевский описывает картину художественной жизни 1910-1920-х годов, в том числе и организацию Петроградского Дома искусств. Кроме «Вчера, позавчера…», он автор и других книг мемуарного характера.

В 1924 г. Милашевский переехал из Ленинграда в Москву. Здесь он стал одним из создателей группы художников "Тринадцать“, получившей своё название по числу участников выставки, состоявшейся в Москве. Всего прошли две выставки этой группы – в 1929 г. и 1931 г.

В двадцатые годы художник писал портреты, пейзажи, бытовые сцены в Петрограде, на Псковщине, в Москве и в других местах России.

Основной привязанностью Милашевского стала графика. Увлечённость этим видом искусства привела его к книжной иллюстрации. Среди авторов, с произведениями которых он работал: А.Пушкин, И.Крылов, Ф.Достоевский, А.Чехов, и современники художника – И. Эренбург, П. Бажов, а также зарубежные писатели: О. Бальзак, Э.-Т.-А. Гофман, Г. Флобер, Ч. Диккенс. В 1949 г. к 150-летию Пушкина художник создал прекрасные рисунки к его сказкам, что послужило началом его многолетним увлечением «перевода» сказок на язык графики. В число его «сказочных» достижений стали рисунки к «Коньку-Горбунку» П. Ершова. Интерес художника к таким иллюстрациям не иссякал до конца жизни, наступившего в Москве в1976 г.

Защищая возникающий сам собой, как бы беспричинно, рисунок, художник писал: *«Пусть перо, обмакнутое в тушь, «резвится» на бумаге, как счастливая молодая девушка в танце, пусть оно острит, улыбается, иронизирует».*



Владимир Милашевский. Портреты Мандельштама 1932 г.

Возможно, два эти портрета и есть импровизация пера, обмакнутого в тушь. В рисунках запечатлен ироничный, улыбающийся поэт. Мне кажется, что к ним подходит то, что написала его жена во «Второй книге»: *«Я думаю, что Мандельштам умел так полно изживать время, потому что был наделён даром игры и радости… ».*

В 1932 г. в журнале «Новый мир» была представлена подборка стихов поэта, в редакции «Литературной газеты» в ноябре проводился его творческий вечер, и издание поместило стихотворение о Ленинграде **«Я вернулся в свой город…».** В это же время он написал **«Стихи о русской поэзии», «Дайте Тютчеву стреко‘зу, - …», «Батюшков».** Стихотворение **«К немецкой речи»** можно рассматривать не только как память о своей учёбе в 1909-1910 годы в Гейдельбергском университете, продолжавшейся два семестра, но и его ощущение немецкой истории, поэтического немецкого языка, связь Германии с Россией: ***«Есть между нами похвала без лести, / И дружба есть в упор, без фарисейства - / Поучимся ж серьёзности и чести / На Западе у чуждого семейства»***. К немецкой теме относится и стихотворение **«Лютеранин»,** написанное в 1912 г. Оно имеет определённое основание, как и вся тема Германии, встречающаяся во многих стихах. Дело в том, что 14 мая 1911 года Мандельштам сменил веру и перешёл в протестантство. Шаг был вынужденным, необходимый для поступления в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Но для этого нужно было преодолеть существенное препятствие – ограничение приёма в университет евреев. Крещение это ограничение снимало.

1933-1934 годы – с одной стороны, довольно активный период в жизни поэта, с другой – период драматический. На разных площадках в Ленинграде, где его любили, и в Москве, где к его творчеству относились прохладно, у него состоялись творческие вечера. В начале лета 1933 г. он живёт в Коктебеле, работая над очерком «Разговором о Данте». При возвращении в столицу узнаёт о разгромной критике, появившейся в «Литературной газете», в газете «Правда» за публикацию в журнале «Звезда» (1933 г., №5) «Путешествия в Армению».

Осенью Мандельштамы получили кооперативную квартиру в писательском доме в Нащокинском переулке. Поэт воспринял это как щедрую подачку, «цена» которой полное послушание власти, и платить за неё надо было сделкой со своей совестью, полным согласием с режимом. Не случайно в ней были тонкие перегородки, позволяющие слышать из смежной комнаты, о чём говорят соседи: ***«А стены проклятые тонки, / И некуда больше бежать, / И я как дурак на гребёнке / Обязан кому-то играть…»*** - возмущался Мандельштам **(«Квартира тиха, как бумага»).**

Осенью в ноябре он написал стихотворение **«Мы живём, под собою, не чуя страны…».** О публикации его не могло быть и речи, и оно разошлось в рукописях. Борис Пастернак, когда Мандельштам ему прочитал, сказал что это акт самоубийства. В мае 1934 г. поэта арестовали. Видимо, это тот случай, когда он не мог оставить в себе то, что накопилось внутри. Особенно, когда соприкоснулся с кошмаром в любимом Крыму: ***«Холодная весна. Голодный Старый Крым, / Как был при Врангеле, - такой же виноватый»*** (Стихотворение **«Старый Крым»**). И предпоследние две строчки: ***«Природа своего не узнаёт лица, / А тени страшные – Украины, Кубани…».*** Мандельштам знает, что виноват в этом тот, кто ***«Как подковы, куёт за указом указ - / Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз».***

Естественно, что Сталин узнал об этом опусе, и, конечно, «увидел» в нём свой портрет. После судебного разбирательства он приказал: «Изолировать, но сохранить».

Вождь позвонил Пастернаку, и спросил, почему тот не хлопотал, и сказал: *«Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти»*. Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. Бухарин в последний раз принял личное участие в судьбе Мандельштама, написав вождю: **"Поэты всегда правы; история на их стороне".**

Поэта сослали на три года в далёкий северный посёлок в Пермском крае – в Чердынь. И как жёны декабристов, чтобы прочувствовать боль, испить горькую чашу унижения, и не оставлять мужа наедине со своими переживаниями, его сопровождала жена. Страдая от галлюцинаций и других симптомов душевного расстройства, Мандельштам в ссылке пытался покончить жизнь самоубийством. После двух недель, проведённых в Чердыни, его перевели в менее суровые условия - в Воронеж.

В 1933 – 1934 годы Мандельштам был кратковременно и безответно влюблён в поэтессу Марию Петровых, о стихах которой с уважением отозвалась Ахматова. К ней обращено стихотворение **«Мастерица виноватых взоров…»**, написанное в феврале 1934 г. Вот первая и четвёртая его строфы:

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч!
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь.
.....
Маком бровки мечен путь опасный...
Что же, мне как янычару, люб
Этот крошечный летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ?

М. Петровых родилась в 1908 году, на семнадцать лет позднее Мандельштама, и считала его стариком. Возможно, это одна из причин неприятия поэтессой увлеченности своего коллеги. Об этой и о некоторых других влюблённостях его жена, конечно, знала. Но, как она пишет во «Второй книге» в главе «Скрытые автопризнания»: *«У него было острое чувство измены, и он мучился, когда появлялось «изменническое», как он говорил, стихотворение»… Печатать «изменнические стихи» при жизни он не хотел: «Мы не трубадуры…»*. И, как мудрая женщина, продолжила: *«По-моему, самый факт измены значил для него гораздо меньше, чем «изменнические стихи». И вместе с тем, он отстаивал своё право на них: "У меня есть только стихи. Оставь их. Забудь про них". Мне больно, что они есть, но уважая право Мандельштама на собственный, закрытый от меня мир, я сохранила их наравне с другими».*

Перед ссылкой в Чердынь Ахматова встречалась с Осипом и Надеждой, и сообщала, каким она его увидела: *«К этому времени Мандельштам внешне очень изменился: отяжелел, поседел, стал плохо дышать, производил впечатление старика (ему было 42 года), но глаза по-прежнему сверкали Стихи становились всё лучше, проза тоже… Много позже он утверждал, что стихи пишутся только как результат сильных потрясений, как радостных, так и трагических…».*

Из Чердыни в Воронеж Мандельштамы приехали в начале июля 1934 г. На этот город обратил внимание ещё Петр I, и, заложив здесь корабельные верфи, начал продвижение по Дону к Азовскому морю. Есть у города история и литературная, связанная с именами Ивана Никитина, Алексея Кольцова, Ивана Бунина и Андрея Платонова. Естественно, что после захолустной Чердыни город мог им показаться чуть ли не раем. Они могли посещать театры, музей, слушать симфонический оркестр и заезжих знаменитостей. В 1934 г. в ноябре там гастролировала пианистка Мария Юдина. Поездку она намеренно составила так, чтобы сыграть для сосланного Мандельштама. В апреле 1935 г. он восхищался игрой скрипачки Галины Бариновой.

Поэт прекрасно чувствовал музыку, посвятив композиторам и исполнителям много стихов. Вспоминаются - «Бах», «Ода Бетховену». Как звучание органа охватывает, не отпуская, весь организм, так и Мандельштам ощущал в себе звучание поэтических строф, *«огнём пылавших»* в его душе. Как вспоминает музыкальный критик, композитор Артур Лурье: *«Иногда он приходил ко мне поздно вечером, и по тому, что он быстрее обычного бегал по комнате, ероша волосы и улыбаясь, но ничего не говоря, и по особенному блеску его глаз я догадывался, что с ним произошло что-нибудь «музыкальное». Собственно, стихи Мандельштама и есть сама музыка».* Радость, утешение, полученные от игры Бариновой, Мандельштам описал в стихотворении **«За Паганини длиннопалым».**

Девчонка, выскочка, гордячка,
Чей звук широк, как Енисей,
Утешь меня игрой своей, -
На голове твоей, полячка,
Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка.

Утешь меня Шопеном чалым,
Серьёзным Брамсом, нет, постой,
Парижем мощно-одичалым,
Мучным и потным карнавалом
Иль брагой Вены молодой.

В Воронеже Мандельштам перебивается случайными заработками. Для областного радиокомитета пишет композиции радиопередач: «Молодость Гете», об опере Глюка «Орфей и Эвридика», работает заведующим литературной частью в воронежском Большом Советском театре. Но работает совсем недолго - врач-психиатр нашел у него глубокое истощение нервной системы, и из театра пришлось уволиться. Мандельштам пишет отзыв для воронежского журнала «Подъём» о стихах, посвященных открытию первой линии Московского метро 15 мая 1935 г.; рецензирует творчество некоторых советских поэтов. В июле он в составе группы писателей и журналистов посещает в Воробьёвском районе один из совхозов, чтобы написать репортаж. Заработанных денег вместе с пожертвованиями друзей и родственников едва хватает для сносного существования. В поисках заработка жена совершала поездки в Москву, предлагая редакциям новые стихи мужа. Но тогда никто не отважился опубликовать стихи опального поэта.

Первое их жильё в Воронеже было на улице «Вторая Линейная». Названием она обязана проходившей рядом железнодорожной линии, что поэт остроумно, с иронией обыграл:

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова –
Как ее ни выветривай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица
Или, верней, эта яма
Так зовется по имени
Этого Мандельштама...

Здесь рождаются первые стихи трёх **«Воронежских тетрадей»** (далее – «Тетради» - В.Л.), которые записывались в школьные тетрадки — поэтому они так и называются.

«Тетради», созданные с апреля 1935 г. и по май 1937 г., включают 84 стихотворения. Их тексты отражают его состояние, его переживания и ощущения в период ссылки, как и чем «дышал» поэт в это время. Стихи – это автобиографии их создателей, поэтому исследователям и литературоведам не трудно по стихотворным текстам, особенно по тем, где указаны даты и место, составлять биографии поэтов.

Поражает разнонаправленность стихов «Тетрадей». Здесь и бытописание, и политика; и воспоминания о городах Риме, Флоренции, Париже и о поэтах Франсуа Вийоне и любимом Данте; здесь и описание природы и пейзажей, а также музыкальные впечатления.

В триптихе «КАМА» из «Первой тетради» Мандельштам, с одной стороны, описывает их путь-путешествие в ссылку в город Чердынь: ***«Там я плыл по реке с занавеской в окне, / С занавеской в окне, с головою в огне. / И со мною жена – пять ночей не спала, / Пять ночей не спала – трёх конвойных везла».*** При этом он вспоминает реки Обь, Тобол, на берегу которого расположен г. Тобольск, откуда начинались знаменитая «сибирская ссылка» и сама Сибирь. Через каторжную тюрьму города в разное время проследовали этапом Фёдор Достоевский, Владимир Короленко. Он был местом ссылки с 13 августа 1917 г. по 13 апреля 1918 г. последнего русского царя Николая II и его семьи. С другой – это описание пейзажных впечатлений: ***«И хотелось бы тут же вселиться, пойми, / В долговечный Урал, населённый людьми. / И хотелось бы эту безумную гладь / В долгополой шинели беречь, охранять».***

В мае 1935 г. написано жизнеутверждающее стихотворение ***«Ещё мы жизнью полны в высшей мере»***, где поэт радуется, что ***«…пишут звёздоносно и хвостато / Толковые лиловые чернила»***. Не зря жена поэта удивлялась его живучести, и что он всегда был *«пространством и временем полный».*

Летом 1936 г. Мандельштамы сняли летнюю дачу в Задонске. Перед их домом простиралась роща, где росли сосны, и звучал ***«виол и арф семейный звон».*** Прожили они здесь до конца августа. Как память об этом времени в декабре поэт пишет «музыкальное» стихотворение **«Сосновой рощицы закон».**

Самое большое стихотворение этого периода **«Стихи о неизвестном солдате»** («Третья тетрадь») написано в страшное время - в конце тридцатых годов, перед началом Второй Мировой войны, когда буйствовали в России Красный террор и фашизм в Германии. Основное его содержание - тема войны и мира, тема смерти, тема человека и его будущего.

Поэзия Мандельштама, за редким исключением, - ассоциативный поток сознания. Но в отличие от прустовского, где истоки потока очевидны, здесь этого нет. И только, прочитав биографию определённого периода его жизни, можно увидеть истоки.

Первая тетрадь была «открыта» для стихов весной в апреле 1935 г. Но местные «коллеги» не только не чувствовали эти духовные поиски и просветление, но и не понимали стихов Мандельштама. Ему ставили в вину, что он *«пустое место и пишет будуарные стишки и что возиться с ним довольно»* (О. Мандельштам). В мае этого же года он написал:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять Вы не смогли.

Это был ответ на его постоянное унижение, на статьи в журнале «Подъём» и в газете «Коммуна» с политическими обвинениями против поэта. В письме к М.Шагинян его жена это подтверждает: *«…Мандельштам из схем выпадал. С ним попросту не знали, что делать…».*

Как в каждом человеке есть противоречия, были они и у Мандельштама. Он не хотел быть чужим в новом обществе, стремился влиться в советскую действительность, в чём признавался в строфах **«Стансов»:**

Я не хочу средь юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
……
……
Я должен жить, дыша и большевея
И, перед смертью хорошея,
Еще побыть и поиграть с людьми!

Май-июнь 1935 г.

После перенесенных в Чердыни болезни и нервных потрясений в Воронеже Мандельштам почувствовал некоторое облегчение:

И в голосе моём после удушья
Звучит земля – последнее оружье –

Сухая влажность чернозёмных га...

В стихотворении ***«Чернозём»*** он радуется при виде земли, которая ***«Переуважена, перечерна… / Вся рассыпаючись, вся образуя хор, — / Комочки влажные моей земли и воли… / Как на лемех приятен жирный пласт…».***

Вспахивание чернозёма – в этом поэтичном образе поэт говорит о своей близости, сопричастности к земле. Чернозём, как и музыка, для него были источником энергии и вдохновения. В апреле 1935 г. он пишет, полный веры в будущее, стихотворение **«Я должен жить, хотя я дважды умер».** Но эта сопричастность земле овладела им не окончательно. Как-никак Воронеж был для Мандельштама местом изгнания, недаром он в ту же весну просил: ***«Пусти меня, отдай меня, Воронеж: / Уронишь ты меня иль проворонишь, / Ты выронишь меня / или вернёшь, - / Воронеж – блаж, Воронеж – ворон, нож…»***

В начале 1936 г., находясь уже в тамбовском санатории для нервнобольных, куда он приехал в середине декабря 1935 г., Мандельштам переносит очередной сердечный приступ. Вдобавок к приступам было у него и истощение нервной системы. В апреле пишет Б. Пастернаку: *«Я действительно очень болен… примерно с декабря неуклонно слабею, и сейчас уже трудно выходить из комнаты. Тем, что моя “вторая жизнь” еще длится, я всецело обязан моему единственному и неоценимому другу — моей жене».* Жене он сообщает*: «Живем на высоком берегу реки Цны… Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильные синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляют глубокое наслажденье».*

Самыми преданными друзьями поэта по-прежнему остаются Пастернак и Ахматова. Они посылают в Воронеж деньги, на которые супруги проводят последний совместный летний отдых в Задонске, на берегу Дона. В декабре 1936 г. Мандельштам в **«Пластинкой тоненькой «жилета»** вспомнит об этом времени:

Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.

Вы именитые вершины
Дерев косматых именины –
Честь Рюисдалевых картин
И на почин – лист куст один
В янтарь и мясо красных глин

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.

Н.Мандельштам заметила: *«Я всегда удивлялась живучести Мандельштама...».* Откуда эта живучесть? Живучесть вопреки… Возможно, это реакция на все обрушившиеся невзгоды. Ведь согласно третьему закону механики Ньютона: «Сила действия равна силе противодействия», и сила поэта была только в его стихах. И как показало время, она пересилила силу полицейского государства. Возможно, это одна из причин, в результате чего, по свидетельству Ахматовой, посетившей ссыльного поэта в феврале 1936 г., у него наблюдался творческий подъём. Стихи, созданные в декабре 1936 г. и в первые два месяца 1937-го, вошли во Вторую тетрадь. Самая объёмная - Третья, в которой около пятидесяти стихотворений.

Воронежская ссылка Мандельштама пришлась на очень жестокое время. 1 декабря 1934 г. был убит С.М.Киров. В феврале следующего - поэту пришлось отчитываться перед собранием воронежских писателей за своё литературное прошлое, когда он был среди участников литературного течения «Акмеизм», существовавшего в начале XX века. 19 августа 1936 г. Мандельштамы услышали известие о начавшемся в Москве первом показательном процессе по делу «Троцкистко-зиновьевского террористического центра». Началась эпоха Большого Террора.

Положение в стране, личная ситуация, болезни, безденежье – всё это остро ощущал Мандельштам. Жизнь в Воронеже – это продолжение его скорбного пути на Голгофу. И он бы не вынес тяжести этой дороги без сердечной близости и внимания Надежды, без преданности Анны Ахматовой, без постоянной жажды любви, без стихов, которые он нашёптывал. Я написал «постоянная жажда любви». Она «преследовала» его, как говорят «с младых ногтей». Сказала же о нём Цветаева, что в Коктебеле, где он бывал в 1915-1917 годы, *«он был окружен ушами — на стихи и сердцами — на слабости».* К тому же, влюблённость даёт вдохновение в творчестве.

В марте 1935 г. в Воронеж приезжает высланный из Ленинграда литературовед Сергей Борисович Рудаков.

Он родился 8 [21] октября 1909 г. в Виннице в дворянской семье. В начале 1920-х годов семья переехала в Ленинград, где в 1928 г. он поступил на литературное отделение Высших государственных курсов при Институте истории искусств, в котором преподавали Ю.Н.Тынянов, Б.В.Томашевский, Б.М.Эйхенбаум и другие известные филологи и литературоведы.

В 1930 г. в связи с закрытием курсов Рудаков работал чертежником. Некоторое время он жил в Керчи, разрабатывая архитектурные чертежи. Впоследствии вернулся в Ленинград, но в связи с его дворянским происхождением был выслан. Имея возможность выбора места ссылки, он избрал Воронеж, так как знал, что здесь живёт Мандельштам, творчество которого его интересовало. Здесь он жил по июль 1936 г., работая с поэтом над текстами и авторскими комментариями стихов из «Воронежских тетрадей», и из вышедших книг. С. Рудаков сообщал жене: *«… Я стою перед работающим механизмом (может быть, организмом — это то же) поэзии... Он не видит и не понимает ничего. Он ходит и бормочет. Для четырех строк произносится четыреста»*. Рудаков считал себя едва ли не его соавтором, пытаясь повлиять на последние редакции стихов. Об этом пишет Ахматова, встретившая его у Мандельштамов*: «В Воронеже при Мандельштаме был Сергей Борисович Рудаков, который, к сожалению, оказался совсем не таким хорошим, как мы думали. Он, очевидно, страдал какой-то разновидностью мании величия…».*

Из Воронежа Рудаков возвратился в Ленинград, участвовал в работе Пушкинской комиссии Академии Наук, одновременно занимаясь на заочном отделении языка и литературы в Государственном пединституте им. А.И. Герцена.

В начале Великой Отечественной войны воевал на Ленинградском фронте, и в ноябре 1941 г. был тяжело ранен. В 1942 г. служил в Москве в военкомате, одновременно занимался литературной работой и писал стихи. При этом высоко ценил себя как поэта.

За попытку оформить одному из своих знакомых отсрочку от призыва в армию был арестован и после трёхмесячного заключения в тюрьме был отправлен по собственной просьбе в штрафной батальон.

Погиб Сергей Рудаков 15 января 1944 года в бою, и похоронен в деревне Устье Чаусского района Могилёвской области.

Поэтические произведения Рудакова опубликованы в изданных в 1965 и 2005 годы сборниках стихов поэтов, погибших во время Великой Отечественной войны.

В Воронеже Рудаков сделал профильный рисунок головы и плечевого пояса Мандельштама.

Сергей Рудаков. Портрет Мандельштама 1935 г.

У С. Б. Рудакова не было художественного образования. В разное время он работал чертёжником, и, возможно, имел некоторый опыт рисовальщика. Как вспоминает Н. Мандельштам: *«рисовал тушью силуэты,… и с гордостью демонстрировал нам свои шедевры».* Последнее замечание скорее определяет его характер и может говорить о способности к рисунку, но не о таланте художника. Именно поэтому портрет Мандельштама, хранящийся в коллекции Николая Харджиева, представляет не художественную, а историческую литературоведческую ценность. Изображение поэта - это не более, чем любительский рисунок. Если знаешь предыдущие портреты других авторов, а он не мог их не знать, занимаясь творчеством Мандельштама, то не составляет труда и не требуется большого мастерства сделать нечто напоминающее поэта. Этот образ, датируемый 24 апреля 1935 г., обладает определённым сходством с моделью и передаёт философски-спокойное, безмятежное состояние поэта.

В разное время в Воронеж в гости к Мандельштамам приезжали Борис Пастернак, Анна Ахматова, Виктор Шкловский, Всеволод Вишневский, Эмма Герштейн.

Ахматова была не только другом семьи. Она восхищалась поэзией своего собрата: «Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен,… в годы воронежской ссылки продолжал писать вещи неизречённой красоты и мощи». Вернувшись после поездки к ссыльному поэту, написала стихотворение «Воронеж», где с печалью вспоминает:

… А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черёд.
И ночь идёт,
Которая не ведает рассвета

и с удивлением возмущалась: *«…Почему мемуаристы (Шацкий /Страховский/, Г. Иванов, Бен. Лившиц)…не склоняют головы перед таким огромным и ни с чем несравнимым событием, как явление поэта, первые же стихи которого поражают совершенством и ниоткуда не идут…».*

В небольшом перечне людей, окружавших Мандельштама в Воронеже, особое место принадлежит Наталье Евгеньевне Штемпель[3], сыгравшую огромную роль в том, что теперь имеется возможность читать «Воронежские тетради». Покидая в конце мая 1937 г. город, Мандельштамы оставили ей «три больших блокнота», где были стихи, не только созданные там, а также написанные и раньше, но нигде не опубликованные. Эти блокноты она сохранила.

Н.Е. Штемпель родилась в Воронеже. В 1930 г. закончила литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Воронежского университета. Во второй половине 1936 г. познакомилась с семьёй поэта, и знакомство переросло в дружбу. Поэт посвятил ей два стиха **«К пустой земле невольно припадая…» и «Есть женщины, сырой земле родные…»,** написанные в мае 1937 г.

Её связь с семьёй поэта после их отъезда из города не прерывалась. Она навещала Мандельштамов в посёлке Савёлово и в г. Калинин. Летом 1942 г. она покинула город, взяв с собой тетради со стихами поэта, которые после окончания войны передала Н. Мандельштам.

Особое место Н. Штемпель принадлежит ещё по одной причине. Поэт сильно увлёкся этой женщиной. Он писал ей письма, признавался в любви, посвящал стихи. По её свидетельству Мандельштам, принося в дар упомянутые выше два стихотворения, сказал: *«Это любовная лирика… Это лучшее, что я написал… Когда я умру, отправьте их в Пушкинский дом».* Но на это признание ответ был отрицательным, ибо она готовилась к замужеству. Кроме этого, она очень ценила дружбу с семьёй поэта, и не могла её предать. Он это сознавал, написав: ***«И ласки требовать от них преступно, / И расставаться с ними непосильно».***

16 мая 1937 г. был последним днём воронежской ссылки, и Мандельштамы вернулись в Москву. Поэт был тяжело болен. Никакой работы не было. Так как у него не было разрешения жить в столице, они с июня по ноябрь жили в посёлке Савёлово на берегу Волги. Здесь он написал около десятка последних стихотворений.

Как вспоминает Н.Штемпель, посетившая Мандельштамов, после их отъезда из Воронежа: *«…прочитал все новые стихи. Мне кажется, их было десять или одиннадцать. Насколько я помню, это были небольшие (по количеству строк) стихи, лирические, любовные... Стихи пропали при последнем обыске и аресте. Надежда Яковлевна не знала их наизусть, как знала воронежские. Списков ни у кого не было...”.*

Политическое стихотворение **«Стансы»** - одно из трёх сохранившихся. В нём поэт продолжает тему «Сталин», в котором, как и в **«Оде»,** пытается отождествить себя с народом, хочет слиться с ним, и выражает почтение руководителю страны. Это стихотворение – обращение поэта к приятельнице семьи – Лиле Поповой: ***«И ты прорвешься, может статься, / Сквозь чащу прозвищ и имен / И будешь сталинкою зваться / У самых будущих времен...».***

С ней Мандельштамы познакомились летом 1937 г. после воронежской ссылки. Л. Попова была женой артиста Владимира Яхонтова, с которым Мандельштам был знаком с 1927 г., когда они были соседями - жили под Ленинградом в Детском селе. В 1937 г. Л. Попова была в разводе, однако, с мужем сохраняла творческие отношения. В то время они готовили литературно-театральную постановку к 20-летию Октябрьской революции.

[3] Наталья Штемпель. Мандельштам в Воронеже: воспоминания. – Мандельштамовское Общество, 1992.

Мелодичное, даже где-то песенное **"На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь..."** написано во время строительства канала имени Москвы. На Мандельштама эта стройка произвела сильное впечатление, он его отразил в этом стихе, посвятив его Л. Поповой, принимавшей активное участие в его судьбе. В июне 1937 г. она писала В. Яхонтову: *«Как я провожу время? Большую часть времени у Мандельштамов. Союз их поддерживает, дает деньги, Осипа лечат врачи, на днях стихи его будут заслушаны в Союзе, на специальном собрании. Они очень привязались ко мне… в ссылке он помолодел лет на двадцать, выглядит хулиганистым мальчишкой и написал мне стихи, которые прячет от Надежды Яковлевны …* ». Вот как поэт воспевает красоту Лили Поповой:

А в Москве ты, чернобровая,
Выше голову закинь.
Чародей мешал тайком с молоком
Розы черные, лиловые
И жемчужным порошком и пушком
Вызвал щёки холодовые,
Вызвал губы шепотокм...

Последние прижизненные изображения поэта – это два выразительных карандашных рисунка, сделанных художником А. А. Осмеркиным 1 октября 1937 г.

Александр Осмеркин. Портрет Осипа Мандельштама. 1 октября 1937 г.

Александр Александрович Осмёркин - советский художник, живописец, педагог родился в Елисаветграде (Кировограде) 8 декабря 1892 г. в семье служащего почтово-телеграфной конторы. Первым

наставником юного Александра был художник-передвижник Феодосий Козачинский, преподававший в рисовальных классах при Елисаветградском земском реальном училище.

В 1910 г. Осмёркин поступил в класс Николая Рериха в Петербургской Рисовальной школе Общества поощрения искусств, где проучился год, и поступил в Киевское художественное училище. В 1913 г. Осмёркин уехал в Москву для продолжения художественного образования в школе Ильи Машкова, а в следующем - уже участвовал в выставках группы московских живописцев «русских сезанистов» - «Бубновый валет". С этого времени судьба художника связана с Москвой и Петроградом, и тогда же определился основной круг его знакомых: С.Есенин, О.Мандельштам, А.Ахматова, П.Кончаловский, А.Лентулов.

В период 1918-1948 годы Осмёркин преподавал молодым художникам в Заочном народном университете искусств в Москве, в Свободных художественных мастерских (будущий ВХУТЕМАС), в Ленинградской Академии художеств и в Московском художественном институте имени В.И.Сурикова. В конце 1940-х художника обвинили в пропаганде формализма, после этого Осмёркин был вынужден прекратить педагогическую деятельность и участие в художественных выставках.

Александр Осмёркин умер 25 июня 1953 г. в Москве. Его работы хранятся в государственных и частных собраниях России и за рубежом. Как и у его младшего коллеги Льва Бруни в миниатюрном издании «500 шедевров русского искусства» (Москва, 2005 г.) помещена картина «Дама с лорнеткой» (1917 г.).

Рисунки-портреты Мандельштама художник сделал 1 октября 1937 г. В это время они ещё жили в Савёлово. На рисунках поэт не выглядит удручённым, подавленным. Может быть, была права Л. Попова, когда писала В. Яхонтову: *«в ссылке он помолодел лет на двадцать, выглядит хулиганистым мальчишкой…».*

Мандельштам был знаком с художником, и ценил его работы. Вполне вероятно, что они познакомились у Льва Бруни, с которым Осмёркин вместе жил в 1920-е годы в здании ВХУТЕМАСа. Впоследствии они разъехались. Уже у себя в мастерской на Мясницкой улице художник сделал эти карандашные этюды, причём сделал, сидя за чайным столом, не прося поэта позировать. В них удачно схвачены лёгкая улыбка, задумчивый, с каким-то напряжением взгляд, словно он ищет ответ на заданный вопрос.

Художнику нравились стихи Мандельштама. Поэт же, разбирающийся в живописи, был неравнодушен к творчеству Осмёркина, который это знал.

Нельзя не вспомнить ещё один портрет, сделанный А.Осмёркиным. Это изображение Анны Ахматовой «В белом платье в белой ночи». Связь двух Поэтов была более чем родственная, глубже, чем дружеская, и продолжалась до самой смерти Мандельштама. После его ухода из жизни прошло совсем немного времени, и это портрет, выполненный в 1939 г., можно считать даром художника большой дружбе, которая на протяжении многих лет связывала этих людей.

В письме к Е. К. Гальпериной Осмеркин писал: *«Каждый день бываю у Анны Андреевны, которую пишу в белом платье на фоне шереметевских лип в белую ночь».* Сеансы начинались в одиннадцать вечера и продолжались до двух часов ночи, *«чтобы успеть к мостам».*

Александр Осмёркин. Портрет Анны Ахматовой. 1939 г.

Последнее пристанище Надежды и Осипа Мандельштам – г. Калинин, куда они переселились из Савёлова в ноябре 1937 г. Их навещают друзья, и сами они совершают поездки в Москву и в Ленинград. Учитывая болезненное состояние поэта, Мандельштамам предоставили путёвки на два месяца в санаторий в Саматихе в Московской области, куда они приехали 8 марта следующего года. Увы, лечение в санатории продолжалось до 2 мая 1938 г., когда поэта арестовали за, так называемую, «контрреволюционную деятельность». Приговор – пять лет исправительно-трудовых лагерей, и Мандельштама этапом отправили на Дальний Восток. Умер он 27 декабря в больничном лагере на Второй речке (ныне г. Владивосток).

Спасая рукописи Осипа Мандельштама, Надежда Яковлевна, забрала их из квартиры в Калинине, где они хранились.

Я храню почтовую открытку 1990 года. На ней нарисована почтовая марка, выпущенная к столетию со дня рождения поэта. У меня есть карманный календарь 2009-го года с изображением на лицевой стороне росписи Осипа Мандельштама, а на обратной – его силуэтный портрет работы Елизаветы Кругликовой, под которым та же роспись.

«Сейчас – заканчивает свой очерк Ахматова, - *Осип Мандельштам – великий поэт, признанный всем миром. О нём пишут книги, защищают диссертации… Готовят академическое издание его произведений. Находка одного его письма – событие»*. Не вдаваясь, кого имел в виду А. Пушкин под словом «мёртвых» в «Борисе Годунове» («Живая власть для черни ненавистна…»), удивляешься, почему человечество «…любить умеет только мертвых». Понять это невозможно. Когда Поэт жил, стране он был не нужен. При жизни не был оценён даже коллегами, за исключением очень немногих.

Полёт любви

Вот уже несколько дней мне не даёт покоя не только некоторое визуальное сходство двух разных памятников, но и другое, что их объединяет. Первый – это отлитый в бронзе «Памятник любви». Он создан скульптором из Нидерландов Ханнеке де Мюнк, и был открыт 26 мая 2010 года у здания Двенадцати коллегий Университета в Санкт-Петербурге. Второй – картина Марка Шагала «Над городом», которую он написал в 1918 году. Разница по времени – 92 года. На первом – летящие Осип Мандельштам и его жена Надежда, на втором - Марк Шагал с женой Беллой Розенфельд – тоже в полёте.

Я написал и в том, и в другом случае слово «памятник», хотя в привычном его значении памятник только один, второй – картина. Использовал я его, потому что эти два произведения объединяет ПАМЯТЬ. Память о двух великих Художниках.

Под словом «Художник» я имею в виду не только живописца или графика, но подразумеваю более широкий его смысл – человека, который создаёт художественный образ. Это может быть скульптор, театральный или кинорежиссер, актёр, писатель, архитектор. В данный момент речь пойдёт об одной картине Художника – живописца.

Ханнеке де Мюнк. Памятник любви. 2010 г. Санкт-Петербург

«Скульптура получила такое название, - пояснила автор композиции в бронзе, представляющую парящих в воздухе поэта и его жену, - *потому что только благодаря любви Осипа и Надежды Мандельштам живо творчество великого поэта»*. По её словам, воздушное пространство для Мандельштама – это естественная среда его поэзии, и поэтому скульптура получила такое романтическое

решение. Постамент памятника выполнил петербургский скульптор Хачатур Белый. Металлическую тумбу он украсил плодами граната. Гранат в Армении считается символом плодородия, удачи, супружеской верности.

Надежда Мандельштам, с которой поэт прожил 16 лет, смогла продлить его творческую жизнь, посвятив себя после смерти поэта сохранению его поэтического наследия. Об этом она пишет во «Второй книге»: *«Моя цель была в оправдании жизни Мандельштама путём сохранения того, что было её смыслом».*

Художник проводит много времени в своём обществе. Однако у него почти всегда есть потребность с кем-нибудь поделиться своими чувствами, переживаниями. Но не только с поклонниками своего творчества, а с тем, кто, по его мнению, может почувствовать его жизнеощущения, также как он.

«Зачем я тебе нужна?» - спрашивала я у Мандельштама. Один ответ: «Я с тобой свободен», другой: «Ты в меня веришь». Через несколько лет после его смерти, сидя на скамейке в церковном садике на Ордынке … я услышала от неё (Ахматовой – В.Л) те же слова: «Вы, Надя, ведь всегда в меня верили». Этим людям, твёрдо и смолоду знавших своё назначение, нужна была дружба женщины, которую они сами научили с голосу схватывать стихи. Таково одиночество поэта, даже если он окружён людьми: один близкий и растворившийся в нём человек бывает ему нужнее, чем целая толпа почитателей…».

В стихотворении **«Еще не умер ты, еще ты не один»,** написанного в середине января 1937 года, Мандельштам говорит о своём спасении от одиночества:

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

Такой же памятник установлен в Амстердаме на улице Надежды Мандельштам.

Первой женой, первой любовью, и самой яркой музой, оставшейся такой до конца жизни Марка Шагала, была Белла Розенфельд. *«С тех давних пор и по сей день она, одетая в белое или чёрное, парит на моих картинах, озаряет мой путь в искусстве»,* - писал он в книге «Моя жизнь». И ещё: *«Только открыть окно – и она здесь, а с ней лазурь, любовь, цветы…».* И в другом месте: *«Ни одной картины, ни одной гравюры я не заканчиваю, пока не услышу её «да» или «нет».* Она окрашивала все его картины в цвета, которые до него казались невозможными, в цвета, которые, по словам Льва Бакста, одного из первых учителей Шагала, «поют». Если поют, значит, есть что петь. Белле он посвятил стихотворение: **«Жена».** Вот две строфы:

Я помню: ночь, и рядом ты,
и в первый раз к тебе прилег я,
и погасили мы Луну,
и свечек пламя заструилось,

и лишь к тебе моя стремилась
любовь, тебя избрав одну.
И стала ты женой моей
на годы долгие. Сладчайшей.

Такая романтическая, вдохновляющая любовь запечатлена в одной из его прекрасных, картин - «Над городом». Простые серые деревенские домики и сарайчики за забором, красные крыши стоящих в отдалении зданий подернуты дымкой. В небе над ними, распластавшись, словно крылья птицы, летят мужчина и женщина.

Марк Шагал. Над городом. 1918 г . Государственная Третьяковская Галлерея

Влюблённые живут в другом измерении. Они всегда парят, плывут в небесах над селениями, деревнями, городами. Они мечтатели, и их мечты о счастье, о жизни, но не такой, какой живут другие, сбываются в полёте, ибо полёт, парение – это их состояние.

Шагал обращается к жене: *«Одна ты осталась со мной… Я смотрю на тебя, и мне кажется, что ты — мое творение. Сколько раз спасала ты мои картины от гибели. Я ничего не понимаю ни в людях, ни в собственных картинах. А ты всегда во всем права. Так направляй же мою руку. Взмахни кистью, словно дирижерской палочкой, и унеси меня в неведомые дали».*

Два памятника, на которых изображены и отлиты в бронзе по два человека – Она и Он. Две летящие семейные пары, у каждой - единая душа, единое сердцебиение.

Трагическая, но счастливая судьба у Надежды и Осипа, и счастливая - у Беллы и Марка. Эти памятники олицетворяют полёт в Вечность. Именно о таком полёте весной 1937 года написал Мандельштам:

О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу.
Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись, -
Другого счастья нет -
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шёпотом могуч
И лепетом согрет.

И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шёпотом лучу
Тебя, дитя, вручу...

22 июня 2019 г, 23 сентября. Г.Вупперталь

TOLSTOI.de

Bibliothek
Bildung
Beratung

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de

Die Tolstoi-Bibliothek ist auf Spenden angewiesen. Bitte unterstützen Sie uns durch eine steuerlich abzugsfähige Spende auf unser Konto:

Spendenkonto: Банковские данные:

Nr.: 7824302
BLZ: 700 205 00
IBAN: DE72 7002 0500 0007 8243 02
BIC: BFSWDE33MUE
Bank für Sozialwirtschaft

Gefördert durch:

Die Beauftragte der Bundesregierung für Kultur und Medien

Landeshauptstadt München **Kulturreferat**

Landeshauptstadt München **Sozialreferat**

Bayerisches Staatsministerium für Wissenschaft und Kunst

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de

Design: LIQUID | Agentur für Gestaltung | www.Liquid.ag